

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Г. П. Снесарев

ПО СЛЕДАМ АНАХИТЫ

С очень давних пор среди населения Хорезма живет одна любопытная легенда. Люди рассказывают, что второй халиф Омар, сподвижник пророка Мухаммеда, во время своего победоносного похода на восток, подчинял своей воле все встречавшиеся на его пути реки, ударяя их своей плетью. Но, подъехав к Амударье, Омар будто бы остановился в нерешительности. Свирепая река Джейхун, т. е. кипящая, как называли ее арабы, так грозно ощерилась на него своим мутно-желтым бурливым потоком, что халиф не осмелился ударить ее плетью, и Амударья так и осталась до наших дней необузданной и своенравной.

Коварный характер Амударьи мне пришлось впервые испытать в те далекие времена, когда в начале 30-х годов наш маленький экспедиционный отряд, следовавший из Чарджоу в Хорезм, доверил себя этой величественной и внешне вполне благоразумной реке. То были годы, когда железной дороги, идущей в южное Приаралье, не было и в помине, когда первые автомашины сутками продирались через пески вдоль берега, а первые самолеты только намечали свои будущие трассы.

Мы плыли тогда вниз по течению, и путь от Чарджоу до Ургенча занял у нас шестеро суток. Транспортные средства наши были весьма колоритны. Мы обосновались на старом пароходе с непонятным именем «Земкараван», абсолютно бездыханном; его тащил на буксире также далеко не юный, но бойкий еще катер «Амударынец». Оба судна были до отказа набиты пассажирами, особенно «Земкараван», внутрь которого пробиться было невозможно; оттуда неслся истошный рев ребятишек. Зацепившись за свои два квадратных метра палубы, наш отряд утонул в разноязычной гуще людей, жаждущих добраться до Хорезма.

Менее громоздкий «Амударынец» тоже был увешан гроздьями людей; они сидели всюду, где только можно было примоститься; даже на кожухе, прикрывавшем колесо, восседала костлявая невозмутимая тетя в обнимку с огромным узлом.

Техническая база нашего путешествия была явно несовершенна, однако ее меньше всего приходилось винить за столь длительное плавание. Здесь свое слово сказала сама Амударья. Дело в том, что регулярно каждый вечер река сажала нас на мель. Как возникали эти совершенно неожиданные мели? На этот вопрос не могли бы ответить даже опытные водители судов. Старые капитаны (обычно из уральских казаков, давно уже освоившие Амударью) утверждали, что у этой реки нет постоянного фарватера. Там, где сегодня весело идут суда, завтра рябит воду от наметенной косы. Разобраться в причудах, которые река творит со своим руслом, невозможно.

На мель мы садились или довольно спокойно и чинно, или, как это было раза два, с шумом и грохотом, со столкновением двух судов, когда ведущий, не успев отцепиться от ведомого, застрявшего на мели, налетал на него, и в воду летели какие-то бревна и доски, крепившие наших инвалидов. Один толчок особенно запомнился. Казалось, ничего не предвещало неприятности. «Амударынец» мирно пофыркивал, таща нашу колымагу. Люди отужинали. Жара спадала. На «Амударынце» капитан грыз огурец, его супруга чистила кастрюлю; над рулевым колесом клевал носом дочерна загоревший матрос. Когда «Земкараван» сел на мель и суда столкнулись, толчок оказался необычайной силы; я был в полной уверенности, что люди, облепившие суда, посыплются в воду как зрелые яблоки с дерева. К счастью, этого не произошло, и даже тетя над колесом «Амударынца» все так же невозмутимо обнимала свой узел.

На мель садились всегда под вечер. Темнело, а матросы и болье-щики долго еще бродили по пояс в воде около пароходов и галдели о случившемся. Часто «Амударынца», более легкого, после происшествия куда-то сносило течением, и «Земкараван» ночевал в одиночестве. Все затихало. Первыми засыпали дети. Луна заливала все голубоватым светом, и вода начинала поблескивать. Кто-то забрасывал удочки, и было слышно в тишине, как тяжело билась о палубу пойманная рыба. Со стороны камышей тучами налетали комары, но мы все же засыпали.

А утром начиналось азартное состязание с рекой. Откуда-то снизу появлялся «Амударынец». Вдоль правого берега он пробирался к нам, героически борясь с течением. Его сносило назад, но он снова и снова кидался в бой. «Подойдет? Не подойдет?», — гадали земкараванцы. Наконец катерок на последнем дыхании вырывался вперед, делал по воде полукруг и вскоре, гордый и довольный, урчал совсем рядом с нами. Рейс продолжался. Так тянулось почти неделю.

Иногда река проносила нас около правого берега, как будто специально для того, чтобы показать, на что она способна. Здесь в воду ручьями стекал кызылкумский песок, большие участки берега покрывались трещинами и, рухнув в Амударью, взметали в воздух туман лесосовой пыли. Правый берег река съедала уже в течение многих столетий.

Турткуль, центр Каракалпакии, лежавший на правом берегу Амударьи, тогда был нашей первой остановкой. От пристани до города, старинного Петроалександровска, окруженного крепостной стеной, с тенистыми улицами и зданиями, многие из которых были сооружены еще в прошлом веке, мы добирались довольно долго. Всего через несколько лет после нашего посещения от Турткуля не осталось и следа: река уничтожила его, и новая столица Каракалпакии — Нукус — возникла намного ниже по течению.

Со времени первого плавания по Амударье прошло много лет, но возникшее тогда неприязненное отношение к этой неугомонной реке, неизменно вступающей в конфликт с человеком, осталось надолго. И только много позднее, уже в 50-х годах, во время многолетних странствий по Хорезму наступил момент, когда мне пришлось коренным образом пересмотреть свое отношение к Амударье.

Начало было положено в 1956 г. незначительным на первый взгляд, но любопытным эпизодом в наших этнографических изысканиях. Это случилось, когда берега Амударьи в районе Нукуса еще не были связаны понтонным мостом, как сейчас, а действовала обычная паромная переправа. Уже задолго до подъезда к ней машины и люди готовились к совершению раз и навсегда установленного ритуала. Надо было ускорить ход, обогнать возможно больше машин, следующих к реке, выскочить на ее берег и попытаться нюхом определить, где может находиться переправа. Так как сделать это обычно не удавалось, машина начинала ме-

таться по берегу, километр вверх, километр вниз по течению, пока перед глазами не открывалась огромная живая очередь всякого рода транспорта: покрытых пылью грузовых работяг, тракторов, тягачей, легковых, уборочных машин и, конечно же, безропотных унылых ишаков. Постоянного места переправа не имела. Амударья играла ею чуть не каждый день, там наметая косу, там углубляя дно и подмывая берег. Заняв очередь, следовало терпеливо ждать и время от времени ругаться с теми водителями, которые норовили проскочить вперед, нарушая все правила.

В тот день, о котором пойдет речь, все происходило именно так. Из машины, водрузившейся на паром, из всех щелей между спальными мешками, койками и выючными ящиками на палубу высыпали члены отряда, слегка одуревшие от дальнего пути. Из кабины вышла Г. С., постоянная участница этнографических работ нашего отряда, и устроилась у борта парома. Она тотчас попала в окружение пассажиров парома. Здесь была и бабка с рыжей козой, и нарядная робеющая молодуха, руководимая толстой свекровью, и несколько девчонок в новеньких тюбетейках. Через 10 минут все это общество бурно решало какие-то страшно важные женские проблемы, а карандаш Г. С. уже строчил в дневнике очередную полевую запись.

Когда паром оказался на середине реки, женщины заволновались. «Соль! Давай скорее соль!» — торопила свекровь. Молодуха кинулась к хозяйственной сумке. Она вытащила узелок, видимо приготовленный заранее. Чувствуя на себе взоры пассажиров, и от этого еще более пунцовая, однако стараясь придать своей походке как можно больше грации, молодуха подошла к борту и высыпала соль в бурно несущуюся воду.

Позднее я прочитал в полевом дневнике Г. С.: «Чтобы вымолить себе ребенка, бездетные женщины бросают в воду реки соль».

Итак, это было все, что осталось от древнего обычая жертвоприношения Амударье, рожденного некогда уже не чувством страха перед сокрушительными силами реки, а почитанием ее в качестве источника жизни. Это другое и, пожалуй, основное свойство великой реки я понимал всегда, но как-то не оценивал все его значение. Чтобы наглядно убедиться в том, какую огромную роль играла Амударья в жизни оазиса, зажатого между громадами пустынь Каракум и Кызылкум, надо было изездить этот край вдоль и поперек. Десятки раз во время своих странствий мы пересекали древние высохшие протоки Амударьи, старые и новые магистральные каналы и их отводы; углубляясь в мертвую зону песков, мы находили следы некогда существовавших здесь оросительных систем и полей. И пожалуй, именно в песках, на землях древнего орошения, особенно «весомо и зримо» понималось, что означала вода для жизни человека: гибла, вследствие тех или иных причин, ирригационная сеть, и замирала жизнь, только торчащие из барханов остатки крепостных стен да обширные россыпи керамики напоминали о прошлой кипучей деятельности человека в этих местах.

Все каналы, и в глубине оазиса, и на его окраинах, питались и питаются из одного источника — Амударьи. Не удивительно, что уже в глубочайшей древности великая река в представлениях человека выступала в величественном образе божества плодородия.

Адависура Анахита... Прекрасная богиня воды и плодородия. Трудно сказать, когда на великих просторах Средней и Передней Азии родился этот поэтический образ. Можно лишь не сомневаться в том, что из всех божеств зороастрийской религии, распространенной в среднеазиатских оазисах вплоть до прихода в эти места ислама, Анахита была особенно популярна в народе. Авеста, сборник священных книг зороастрийцев, рисует ее то в образе прекрасной девушки, то в виде богини-матери, покровительницы плодородия, деторождения. Но во всех случаях Анахита — это прежде всего олицетворение водной стихии. Мало того, в

основе этого образа лежит совершенно конкретный водный поток, который, по словам Авесты, священного писания зороастрийцев, зарождается в горах Хукариа и впадает в море Вурукаша. Анахита — мощная река, «широко разливающаяся, целебноносная... выращивающая семена мужей, подготавливающая материнское лоно жен, делающая легкими роды всех жен» (Авеста). Не случаен и эпитет «тысячерукая Анахита»: руки богини — это бесчисленные каналы, по которым благодетельные воды достигают самых отдаленных уголков края, орошая их. Ей, Анахите, приносили жертвы мифические герои, и она дарила им свое покровительство.

Ученые давно уже отождествляют водный поток, олицетворенный в образе Анахиты, с Амударьей. Не случайно в бассейне Амударьи — в Хорезме, по среднему течению ее на территории древней Бактрии, в долине реки Зеравшан, бывшей некогда ее притоком, археологи находят в таком изобилии изображения Анахиты в виде терракотовых статуэток.

Кульτ древней богини плодородия угас после того, как в VIII в. н. э. в Средней Азии воцарилась новая религия — ислам, принесенный сюда извне. Но исчез ли он совершенно? Не приобрел ли иные формы, приспособившись к новой религии? Неужели горстка соли, бросаема в воды реки, — это все, что осталось от такого мощного жертвенного культа?

Очень хотелось попытаться ответить на эти вопросы. Но откуда прежде всего следовало начинать такого рода поиск?

Меня неудержимо потянуло на берега реки к людям, которые уже в силу своей профессии имели непосредственный контакт с Амударьей. Я решил отыскать старых речников, совершавших некогда рейсы по Амударье на судах местного кустарного производства. Я знал, что многие из них, люди уже почтенного возраста, жили тогда в кишлаках, расположенных недалеко от реки, преимущественно там, где от нее отходят головные участки каналов.

Это удалось осуществить в том же 1956 г., когда эпизод на паромной переправе пробудил мой интерес к культу реки. К речникам, жившим на берегу Амударьи, я в районе Ханки ехал не вслепую: у меня были рекомендации ханкинских друзей к одному из бывших дарга, шкиперов речных судов, уже давно жившему на покое.

По мере приближения к Амударье ландшафт становился все более унылым; места эти не отличаются живописностью; ровный голый берег с болотистыми низинками, заросшими камышом, всегда служил выгодным для скота. Маленький кишлак, где жил капитан, расположился на бугре довольно далеко от реки. Но она была видна отсюда, только ближний ее берег закрывала полоска тугайного леса.

Домик капитана был битком набит его детьми и внуками всех возрастов. Старика я застал в момент, когда он зычным голосом распределял дневные задания этой ораве домочадцев. Он выкрикивал команды, и все его потомство разбегалось по усадьбе. Можно было ясно представить себе, как дарга в былые годы управлял своими матросами.

Я вручил дарге «верительные грамоты». По его виду трудно было судить, как относится он к моему вторжению. Это был очень подвижный, ни минуты не оставшийся в покое, небольшой жилистый старик с бородкой какого-то испанского фасона. Одет он был в старый военный китель и бриджи, на тибетейке был намотан поясной платок. Убедившись, что двор опустел и работы начались, старик повел меня между грядками на дальний край своего участка, где под деревом была небольшая суфа — глинобитное возвышение. За нами семенила девчушка с небольшим паласом и лепешками, завернутыми в дастархан — скатерть. Когда мы уселись, я понял, почему суфа была так далеко от дома: именно отсюда хорошо была видна Амударья; должно быть, в свое время капитан нелегко расставался с рекой. Вслед за лепешками прибыли чайники, и наша беседа после некоторой разминки завязалась.

Капитан кричал отрывистыми фразами. Я было подумал, что он глуховат, но оказалось, что такова его манера разговаривать. Причем все это звучало сердито: то ли в нем жила давняя обида на невольную отставку, то ли, наоборот, его бывшая профессия оставила не слишком уж сладкие воспоминания. Обрывки фраз сердитого капитана, соединенные вместе, как я убедился при обработке записей, слагались, однако, в обстоятельный и стройный рассказ о прошлом амударьинского судостроительства.

Речной флот времен Хивинского ханства, просуществовавшего до 1920 г., был крайне примитивен. Большие плоскодонные суда — кема, типа баркаса, ходившие на веслах и с парусом, предназначенные для грузовых перевозок, сооружали местные кустари весьма несложным инструментом. Команда таких судов, несколько напоминавших старорусские ладьи, обычно состояла из дарга — капитана, ярым-дарга — рулевого, он же помощник капитана, повара и 15 матросов.

Судно не было собственностью ни капитана, ни команды в целом, которая представляла собой артель, нанимавшую кема на срок у хозяев судна. Владельцем бывал кто-нибудь из богатеев; чаще три-четыре местных воротилы составляли нечто вроде акционерной компании. Артель судоводителей арендовала кема на 12 месяцев за 100—200 тилла (тилла — золотая хивинская монета); договор, скреплявшийся печатью казия (ханского судейского чиновника) подписывал капитан; хозяевам вносили небольшой заклад. В свою очередь команда заключала договор с купцами на перевозку грузов. Закончив рейс и получив с торговцев деньги, судоводители часть их вносили в уплату долга хозяевам кема, другая часть денег распределялась между членами команды.

Перевозили зерно, муку, хлопок, коконы, сухофрукты, мануфактуру. Вниз по реке ходили до Аральского моря, вверх — до Термеза. Путь от Ханки до Термеза, вверх по течению, занимал один месяц. Во время длительных рейсов люди мокли под дождем, сгорали на солнце, их обжигали пронизывающие осенние ветры. Но не это было самым трудным. Неимоверно сложна была каждодневная борьба с Амударьей, с неожиданно возникавшими отмелями, со свирепыми течениями, стремительно несущими баркас к береговым откосам; нередко были кораблекрушения. Но пожалуй, более всего изматывали силы людей те участки пути, когда не помогали ни весла, ни парус и почти вся команда впрягалась в лямки и, двигаясь по берегу, бечевой тащила тяжелогруженное судно против течения. Отсюда и местное название матроса амударьинского судна — солдовчи, т. е. лямочник, бурлак.

Амударьинские бурлаки! Стоило капитану упомянуть о них, как в памяти возникла картина из далекого прошлого. Да, я их видел, этих бурлаков. Было это в 1932 г., во время того первого плавания по Амударье, о котором я вспоминал в начале моего рассказа. Бурлаки несколько раз встретились нам тогда. Но особенно запомнились они на одном из труднейших участков пути. Раздвигая тростник в два человеческих роста, покрывавший низкий берег реки, полураздетые, облепленные грязью и по колено в грязи, они медленно шли цепочкой, согнувшись почти пополам; от них к баркасу, ползущему по воде, тянулась бечева. На баркасе оставался только один человек, поминутно проверявший шестом глубину воды. Сейчас, когда и этот примитивный транспорт, и тяжкий труд стали достоянием истории, с трудом веришь себе самому, что ты видел живых бурлаков.

А капитан продолжал свой рассказ. Каждый новичок, прежде чем стать полноправным матросом, проходил сложную систему обучения. И здесь, как в ремесленных цехах, существовало ученичество, во время которого новичок в течение ряда лет овладевал навыками матроса. Конечно, прежде всего надо было изучить капризный характер Амударьи. И работа на веслах, и обращение с парусом требовали сноровки и уме-

ния. Но и труд бурлака, для которого, казалось бы, нужна была только неимоверная физическая выносливость, был не столь прост. Каждая мелочь имела значение: как укрепить лямку, как держать корпус, руки, как ставить ногу; неверный шаг мог сбить с хода всю цепочку бурлаков и задержать рейс.

Обучением молодых матросов занимался помощник капитана. Когда срок обучения кончался и ученик признавался годным для самостоятельной работы, совершался обряд посвящения: потия (фотиха — арабск.) — благословение новому матросу давал капитан.

Жили матросы в кишлаках, разбросанных по берегам. Профессия их передавалась по наследству. Некоторые члены семейств занимались сельским хозяйством, но не оно было главным. Браки по традиции заключались внутри этой своеобразной корпорации. В наши дни, по словам сердитого капитана, когда старинное судоходство почти исчезло, люди в основном оторвались от реки и работают в полеводстве. Но и сейчас довольно значительный процент молодежи из этих семей занят на речном флоте — на пароходах, катерах и баржах. Любопытно, что до наших дней, по словам капитана, жива старая традиция: молодые речники, овладев специальностью, получают потия (благословение), от старых опытных дарга, живущих на покое или еще работающих сторожами на амударьинских пристанях. Оно давно утеряло свой религиозный смысл и стало просто напутствием молодому человеку, начинающему самостоятельную жизнь.

Немало интересного записал я у капитана. А как же Анахита, — спросит читатель, неужели надежды не оправдались, и никаких следов почитания божества водной стихии, никаких обрядов, связанных с ней, не обнаружилось во время беседы? К сожалению, это так. Все, видимо, зависело от индивидуальности собеседника, а этнографы не всегда в должной степени ее учитывают. Им кажется, что все люди одного возраста и одной примерно среды должны быть в равной степени осведомлены в тех вопросах, которые их, этнографов, интересуют. Это далеко не так. Примером может служить мой сердитый капитан. Отличный дарга, хороший организатор, он, несомненно, был всегда человеком практического склада, весьма реалистически смотрящим на окружающий мир. Область религиозных верований ему могла быть чужда и в молодые годы. Конечно, и он проходил через обряды, связанные с профессией, и многое слышал от стариков. Но для него, человека дела, все это было где-то на заднем плане, а со временем стиралось из памяти.

И я не был назойлив. Опыт подсказывал, что, если собеседник не ухватится сразу за интересную для вас тему, если по крупницам придется вытягивать нужные сведения, они никогда не будут ни полны, ни точны. Я был уверен, что рано или поздно встречу среди речников того, кто мне нужен. Тем более, что у меня был в запасе еще один старый капитан. К нему через несколько дней и отвез меня его приятель — ханкийский мулла Садулла.

Ходжи-бобо, так все называли этого капитана, жил в глубине района, далеко от реки. Это был человек совсем иного склада, нежели первый дарга.

Мы сидели в большой полупустой комнате для приема гостей, михмонхоне, на чудесном текинском ковре. Высокий потолок тонул во мраке; только из окна проникал в комнату сноп солнечных лучей, высвечивая пестрые узоры на ковре; в снопе играли пылинки. Я невольно любовался нашим хозяином. Ему было уже около восьмидесяти лет, но он был прям как стрела. Высокий, худощавый, в голубом халате Ходжи-бобо сидел, поджав ноги, на ковре и был очень похож на персонаж восточной миниатюры. На темном от времени лице, строгом и спокойном, выделялась своей белизной густая борода, шелковистыми прядями сбегавшая на грудь. Движения его были скупы и изящны. Мне даже почув-

дилось, что старик немного позирует. Во всяком случае он знал, что производит впечатление.

Было тихо. Большой дом казался необитаемым. Но по легким шорохам, доносившимся иногда из-за открытой двери во внутренние покои, можно было догадаться, что кто-то внимательно следит за главой семьи, понимая без слов его желания. И время от времени бесшумно появлялся подросток то с разожженным чилимом, то добавлял что-нибудь на дастархан или менял чайники, и так же бесшумно исчезал. Здесь царили дедовские патриархальные традиции, строго соблюдался старинный этикет гостеприимства.

Со слов муллы Садуллы я знал, что старый капитан в давние годы совершил хаджж, — паломничество в Мекку, посетил священные для мусульманина места Аравии; отсюда и его звание ходжи. Но я считал неудобным расспрашивать его об этом путешествии, а сам он не проявлял в этом отношении инициативы. Зато об Амударье он говорил много и интересно. В начале были, конечно, неизбежные повторения того, что я уже слышал от сердитого капитана. Но и они были полезны. Ходжа-бобо рядом деталей дополнил эти сведения.

Наконец наша беседа приняла то самое направление, которого я так ждал. От реального перешли к ирреальному, Амударья постепенно теряла свой утилитарный характер, превращалась в некий живой организм, наделенный сверхъестественными силами. Такой видели ее когда-то люди, целиком зависевшие от нее.

Самое интересное, что удалось узнать, связано с арангьярами.

Арангьяры — особые враждебные человеку духи, живущие якобы в глубине вод Амударьи и управляющие ее течениями. По злой прихоти арангьяров река образует отмели, подмывает берега, разбивает в щепы суда, затопляет поля и кишлаки. Арангьяры бесплотны, невидимы и никогда не выступают в одиночку. Впервые об этих духах я услышал от муллы Садуллы, старого моего приятеля, который, стараясь объяснить, что это такое, весьма опрометчиво для своего звания (и не подозревая, как он прав) сравнил их с ангелами — парашата, но потом, пораздумав и устыдившись столь вольнодумного сравнения, приумолк и даже попросил вычеркнуть эти слова из полевого дневника. А капитан рассказывал об арангьярах так, будто ежедневно имел с ними дело. Это не удивительно. Уж кто-кто, а старый дарга за 45 лет, проведенных на реке, знал, какие опасности таит течение Амударьи. Но оказалось, что арангьяры не столь уже всеильны, если им противостоит человеческая отвага.

И Ходжи-бобо поведал мне старую легенду, родившуюся на берегах канала Газават в окрестностях Ханки. Сейчас Газават заглох рядом с такими усовершенствованными каналами, как Шават и Палван, но в прошлом он играл заметную роль в водном хозяйстве левобережья. Однажды, гласит легенда, Амударья неожиданно бросила в канал такую массу воды, что она вышла из берегов и стала затоплять посевы и кишлаки. Это вырвались на свободу злобные арангьяры, объявившие войну человеку. Народ в ужасе метался по берегу, бессильный что-либо сделать. И тогда с горы к каналу спустился ишан, духовный наставник, известный своей праведной жизнью. Он шел с мечом в руках, чтобы сразиться с арангьярами. Войдя в воды канала, он медленно погружался в мутный бурлящий поток, а потом исчез. Люди молча ждали. И вода успокоилась, течение замедлилось, водовороты затихли. А затем на поверхности воды растеклось огромное кровавое пятно и всплыло израненное тело ишана. С тех пор якобы и называли канал Гази-абад, так как гази — это герой, погибший в битве с врагом.

То, что Ходжи-бобо рассказал об арангьярах, позднее дополненное другими нашими собеседниками, для этнографа представляет большой научный интерес. Вера в лишенных каких-либо индивидуальных черт

подводных духов, враждебных человеку, восходит к самым древним пластам в истории религиозных верований. Эта вера возникла в те отдаленные времена, когда человек, еще бессильный в борьбе с природой, населял окружающий мир сверхъестественными существами, духами, от которых на каждом шагу мог ожидать всяческих неприятностей.

Но столетия сменялись столетиями, и человек, вступающий в более тесный контакт со своенравной рекой, научился разгадывать ее характер, противостоять ее прихотям. Он овладел ее богатствами; рыболовство, например, в Южном Приаралье, как свидетельствуют археологи, существовало уже в IV тысячелетии до нашей эры. Самое примитивное земледелие здесь началось на каирных землях, непосредственно в поймах естественных протоков. А потом человек научился выводить воды реки на свои поля при помощи искусственных каналов и создал в низовьях Амударьи широко разветвленную ирригационную систему. Он строил плотины на каналах и дамбами укреплял берега протоков. И только тогда, когда человек вышел из слепой зависимости от Амударьи и река стала щедро одаривать его, прежде всего питать водами его поля, в религиозных представлениях мог сложиться образ Анахиты, прекрасной богини плодородия, олицетворения великой реки.

Однако вернемся в прохладные покои Ходжи-бобо на текинский ковер и послушаем еще старого капитана. А он расскажет немало примечательного. Вся жизнь водителей судов была связана с рекой и зависела от нее. Поэтому в начале всякого дела — при спуске на воду вновь сооруженного кема или в начале длительного рейса — необходимо было отдать себя и свой баркас под покровительство божества реки. Команда судна, а также его хозяева и купцы, отправители грузов, совершали весьма интересную церемонию. На баркас вводили барана или козла и над бортом совершали жертвоприношение, спуская кровь заколотого животного в воду Амударьи. Реке посвящалась и последующая ритуальная трапеза, когда мясо заколотого животного варили и съедали участники обряда.

Любопытен и другой момент церемонии спуска на воду нового баркаса. Когда он касался воды, в реку сталкивали дарга, капитана судна; чаще он откупался деньгами. Трудно установить корни этого обычая, но есть основания полагать, что здесь мы имеем дело с каким-то отдаленным пережитком человеческих жертвоприношений священной реке.

Эти обряды, совершавшиеся в прошлом речниками, не имеют никакого отношения к мусульманству, истоки их лежат в доисламских верованиях. И невольно вспоминается древний гимн, посвященный Анахите, в котором наряду с другими персонажами, благодетельствованными богиней-рекой, упоминается некий лодочник Парва; ему Анахита в благодарность за принесенные ей жертвы оказала свое покровительство.

Судоводители совершали жертвоприношения Амударье и во время рейса, когда неожиданно поднималось опасное волнение. В этих случаях в воду бросали соль, все ту же жертвенную соль, с которой на паромной переправе началось мое знакомство с рекой — богиней плодородия. Но почему именно соль? Быть может, потому, что она растворяется и может быстро насытить воды реки? А быть может, потому, что с глубокой древности соль в этих пустынных местах считалась одним из драгоценных продуктов? Мне вспомнились Каракумы и караваны верблюдов, растянувшиеся между барханами. «Что везете?» — спрашивали мы. «Соль!» — неизменно отвечали караванщики.

Я все внимательнее вслушивался в рассказ Ходжи-бобо.

Амударьинские баркасы, пожалуй, были примитивнее аналогичных им судов других народов. Было на кема место, которому придавался особый сакральный смысл и которое в связи с этим было тщательно отделано и украшено. Это место — нос судна, по местному боша. Боша изображало человеческую голову. Ходжи-бобо, а позднее другие речни-

ки подробно описывали это изображение. «Когда кема поворачивалась, казалось, что кто-то поворачивает голову», — говорили они. Соответствующим образом обтесанная носовая часть судна украшалась двумя или несколькими длинными косами, сплетенными из конского волоса, в центре было одно или два зеркала (глаза?), с боков на полосах черной материи были нашиты монеты, раковины и амулеты. Не могло быть никакого сомнения в том, что боша имитировало изображение женской или девичьей головы с соответствующей прической и украшениями. Чье же изображение красовалось на носу баркаса? И тут я натолкнулся на одну исторически сложившуюся нелепость, характеризующую, видимо, довольно позднюю деградацию религиозных верований.

Ходжи-бобо и другие речники говорили, что боша изображала голову хазрати Нуха, святого покровителя судоводителей. Мусульманский Нух — это Ной, тот самый библейский Ной, который на своем ковчеге носился по волнам всемирного потопа. Этот эпизод заимствован Кораном из Библии. Казалось бы, все вполне логично: Нух, капитан ковчега и его строитель, сделался покровителем речников; его голову изображали на носу судна. Однако эта логика оказывается совершенно несостоятельной. Предположение, что в мусульманское время (образ Нуха появился в Средней Азии только вместе с исламом) мог сложиться обычай делать изображения человеческой головы (строго запрещенное исламом) — явная нелепица. И наконец, последнее: если это изображение Нуха, то почему же с женской прической и украшениями?

Однако оставим в покое Ноя. Не вызывает никакого сомнения, что в древности нос амударьинского судна украшался изображением божества реки, Ардвисуры Анахиты. Во все времена у разных народов было принято украшать суда изображениями водных божеств и духов.

Итак, древняя богиня плодородия не была окончательно забыта. Пусть мусульманская религия, пришедшая на смену зороастризму, лишила ее имени, но и безымянная, она продолжала жить в народных верованиях и обрядах. Это прежде всего относится к сфере специфических женских обрядов. Напомним, что одной из главнейших функций Анахиты было покровительство деторождению и облегчению родов. Именно в этой связи Амударья на долгие столетия сделалась столь притягательной для тех женщин, которые магическими и жертвенными обрядами стремились преодолеть бесплодие.

Дальнейший рассказ Ходжи-бобо, а также сведения, добытые нами несколько позднее уже непосредственно от женщин, блестяще это подтверждают.

Как бы далеко от реки ни проживали женщины, не имеющие детей, они стремились попасть на берега Амударьи и обычно этого добивались. Здесь они совершали особый ритуал: на рыбацких лодках дважды пересекали течение реки и бросали в ее воду жертвенные лепешки и соль. Причем считалось, что, чем меньше лодка и чем сильнее качает на волнах, тем вероятнее женщина забеременеет.

Особенно стремились женщины совершить такое магическое турне на юге оазиса в районе Питняка. Я как-то побывал в этом месте. Здесь на реке, ближе к левому берегу, овальным пятном темнеет островок Аранджа-бобо, весь заросший деревьями. Даже издали между ветвями можно различить шесты с полотнищами над могилой святого. По пути лодки обычно причаливали к острову, и женщины совершали паломничество к могиле. Самое примечательное — это поверье, что на острове пребывают детские души, невидимые людям. Заполучить такую душу и забеременеть было желанием каждой паломницы.

Позднее от знакомых женщин мы узнали, что имелось множество способов «уловить» душу, освободившуюся от телесной оболочки, и с рождением ребенка начать ее новый жизненный цикл. Так, в Ханки нам поведали, что можно поймать, как порхающую бабочку, душу умершего

человека. «Когда умирал очень старый человек, имеющий многочисленное потомство,— рассказывали нам,— бездетные женщины устраивали настоящую охоту на его душу. По мусульманским законам женщины не сопровождают траурную процессию на кладбище. Но когда она двигалась по улицам селения, в переулках и тупиках ее караулили бездетные женщины. Со всех сторон они кидались на дорогу, стараясь пересечь путь траурной процессии, и бросали на носилки с телом умершего отрезки материи и деньги. Каждая из них надеялась, что именно она за этот выкуп приобретет душу умершего, которая, по существующим поверьям, следует здесь же за телом покойника». Интересно, что не каждую душу стремились уловить, а только душу человека, прожившего много лет, здорового и многодетного, чтобы и ребенку передались эти завидные качества.

Но не будем слишком удаляться от Амударьи. Ходжи-бобо еще не закончил свой рассказ. Не только сама река, но и все, что соприкасалось с ее водами, наделялось бездетными женщинами особой силой плодородия; это прежде всего относится к амударьинским судам.

«Когда мы возвращались из рейса,— рассказывал Ходжи-бобо,— прослышавшие об этом бездетные женщины сбегались из окрестных кишлаков к месту нашего причала. Уже издали мы видели их на берегу под ветлами. Стоило нам покинуть судно, как они кидались к воде и взбирались на баркас. Они опускали ладони в воду, скопившуюся на дне, заполняли ею бутылки; они подлезали под скамьи гребцов и трижды обходили вокруг мачты. Но особенно их привлекал нос судна — боша с его украшениями. Это место у нас, речников, считалось запретным. Здесь находились только дарга; рядовые матросы во время рейса сюда не допускались, дабы не оскорбить почитаемую часть баркаса. Конечно, мы старались не допустить к носу судна женщин, один матрос всегда оставался сторожить баркас. Но кому-нибудь из них все же удавалось проскользнуть к боша, прикоснуться ладонями к изображению головы и даже срезать прядку волосяных кос; эти волосы они после жгли и дымом окуривали себя».

Любопытна роль капитана судна во всем этом обрядовом комплексе. Бездетные женщины всегда стремились получить у него потия. Возможно, в глубокой древности дарга нес какие-то жреческие функции в культе великой богини-реки. В курьезной форме эта традиция дожила до наших дней. Мне самому приходилось видеть, как женщины на переправах за мизерную мзду получали благословения от паромных билетеров. Курьезов немало в пережиточных верованиях. Так, святой Дауд (библейский царь Давид), патрон кузнецов и медников, по совместительству сделался покровителем шоферов, когда эта профессия появилась в Хорезме, а архангел Джабраил (Гавриил) по совершенно уже непонятным мотивам стал патроном фотографов — «моментальщиков».

Мусульманская религия, проникая в Среднюю Азию в VIII в., прежде всего постаралась заменить старые божества своими святыми, посредниками между людьми и всевышним Аллахом. Не избежала этой участи и Ардвисура Анахита. Чтобы вытеснить культ столь популярной богини плодородия, пришлось создать ей мусульманский эквивалент.

Так появился на свет образ хорезмской святой Амбар-она, ставшей патронессой женщин, покровительницей деторождения, облегчающей роды, опекающей детей. По всем низовьям Амударьи от Кунграда до Питняка и даже выше по течению реки разнеслась слава этой святой — судя по легендам, ничем не примечательной, кроме ее материнской привязанности к сыну — святому Султану Хубби, который после конфликта с отцом бежал из дома и скрылся в водах Амударьи.

Легендарные мать и сын поделили между собой основные функции древней Анахиты: Амбар-она взяла под свою опеку женщин и детей, Султан Хубби стал заступником на водах Амударьи; это к нему зывали

о помощи судоводители, терпящие бедствие, обещая отблагодарить святого жертвоприношением.

Но и сама Амбар-она, эта преобразованная на мусульманский лад Анахита, не потеряла связи с рекой. Ее имя призывают женщины, совершая ритуальное путешествие по Амударье. Именно с нею некоторые мои собеседники связывали изображение головы на боша амударьинских судов. Посвященные ей святилища располагаются по течению реки на обоих берегах. Одно из них находится в горах Каратау. В урочище Шейх Джелиль надо найти у подножия гор священный родник Жидали-булак и за ним отыскать узкую тропинку, почти отвесно поднимающуюся в скалы; здесь на довольно большой высоте вы увидите нагромождение камней с воткнутым среди них шестом с полотнищем; шест весь увязан ленточками — обетными дарами паломниц. В этом месте, согласно легенде, Амбар-она в своих скитаниях вдоль реки доила дикую козу. Такой тип святилища, видимо, наиболее древний.

Итак, я не прогадал от того, что явился на берега Амударьи; среда и собеседники были выбраны правильно. Слушая Ходжи-бобо, я ловил каждую деталь его рассказа, и уже в ходе нашей беседы складывалось довольно четкое представление об Амударье священной.

Но в цепи моих поисков оставалось еще одно неясное звено. В Хорезме никогда не было богарного, неполивного земледелия; оно целиком зависело от Амударьи. Поэтому хотелось узнать, в каких отношениях богиня-река находилась с земледельцами, которых она щедро снабжала своими водами? Пользовалась ли она почетом и в этой среде?

Выяснить это было не так-то просто. Заранее можно было сказать, что в современном Хорезме, где по полям проплывают тракторы и хлопкоуборочные комбайны, где сложная техника регулирует водоснабжение посевов, а сам человек, вооруженный научными знаниями, управляет урожайностью земли, чувство зависимости от реки и, следовательно, бывшая вера в ее сверхъестественные свойства давно исчезли. Но быть может, какие-то следы культа остались хотя бы в воспоминаниях старых людей? Надо было сделать новую попытку в этом направлении.

И начался заключительный этап моего знакомства со священной Амударьей, причем далеко от нее, в самом центре земледельческого оазиса, в группе кишлаков северо-восточнее Хивы. Когда-то это были самые пшеничные поля.

Однажды я в полной темноте пересекал по тропкам хлопковые поля, перескакивая через маленькие арыки. Селение было недалеко, и скоро я плутал уже между могучими серыми стенами усадеб. А потом из темноты сразу вынырнул на ярко освещенную лампами и факелами площадку перед воротами дома, где происходило торжество — свадьба. Здесь шумел народ, играла музыка, было весело и красочно. На паласах и коврах полукольцом расположилось около 150 человек. У стены дома сидели музыканты. Началось уже томошо, зрелищная часть празднества.

Меня втиснули между стариками. Все пили чай и слушали музыкантов. Это были уже не первой молодости женщины-артистки из Хивы. Одна играла на дутаре, другая на бубне. Третья пела и, время от времени выходя в круг, танцевала.

Моим соседом справа оказался очень древний дед. Он сидел согнувшись, смотря мутными глазами на крышку чайника. Но иногда дед вдруг оживал и, видимо, механически следуя привычке завязтых поклонников музыки и пения, ударял себя в грудь и тоненьким голоском восторженно кричал «дуст!». В эти минуты дед, наверное, опять чувствовал себя лихим джигитом и гулякой.

Мог ли я предполагать, что сама судьба усадила меня рядом с Юсуф-бобо, с которым я еще встречусь и которому буду обязан последними страницами моего знакомства со священной Амударьей.

Два дня спустя, совершая в жаркий полдень пеший переход из одного селения в другое, я остановился отдохнуть на берегу канала Палан-яб. Здесь росли старые деревья, тень их спасала от солнца. Воды в канале было мало, и она подавалась вверх насосом; урчал дизель, и около него возился молодой колхозный механик. Я сидел в тени и выверял свои записи в полевом дневнике.

Сверху к воде медленно спустился старик с палкой, и я узнал Юсуф-бобо, моего соседа на свадьбе. Дед походил вокруг дизеля и насоса, постучал посохом по трубам. Наверное, уже много лет ходит он сюда и все удивляется новшествам. Я окликнул старика и напомнил о нашем знакомстве. Юсуф-бобо уселся рядом и снял свою овчинную шапку. Он оказался весьма разговорчивым. Мы поахали по поводу чудес современной техники. Казалось, совсем недавно весь Хорезм скрипел колесами бесчисленных чигирей. Чигирь, водоподъемное сооружение для перекачки воды из большого арыка в малые, разносящие ее по полям,— это система из трех деревянных колес, приводимых в движение силой верблюда, уныло бредущего по кругу. Сейчас с чигирем можно встретиться только в музее. А в 1926 г. в одном лишь Хивинском уезде работало 1248 чигирей.

Нет, Юсуф-бобо против чигирей; насос и дизель ему больше по душе. Но стоит ли с презрением вспоминать неуклюжего скрипучего друга хорезмских крестьян, без которого в те времена было трудно обходиться?

Вся вода, которая поступала на поля и в селения, окружалась ореолом святости; загрязнять воду канала считалось грехом. Если она была чем-либо осквернена, особенно если в ней оказывалась падаль, происходила сложная церемония ритуального ее очищения. Почитание воды доходило до того, что невероятным казалось предположение о том, что вода может быть причиной болезней. Когда весной первая вода начала течь по полям и кишлакам, бездетные женщины перепрыгивали через арык, чтобы, как и на Амударье, приобщиться к плодотворной силе воды.

Разговор со старым Юсуфом шел на убыль, когда я спросил его о тех бедствиях, которые приносило в старину маловодье. Да, Юсуф-бобо хорошо помнил страшные годы, когда в самую пору полива по дну каналов лениво ползла вязкая илистая вода, поднять которую чигирем нельзя было, а все кругом изнывало от жажды. Людей и животных спасали колодцы, а поля медленно гибли. Что можно было сделать?! Юсуф-бобо молча развел руками. А потом он вспомнил об одном старинном обряде, и рассказ старика снова перенес меня на берега Амударьи.

Весной, когда уровень воды в Амударье заранее предвещал опасность маловодья, в головах магистральных каналов происходили события весьма примечательные. В эти дни кончалось казу, ежегодная очистка каналов, на которой трудились люди из общин, расположенных по их течению. Участники работ постепенно стягивались в верховья, к реке. Здесь в голове каждого канала народ собирался со всего Хорезма. Кишлаки в эти дни пустели. На арбах, конях, ишаках, часто захватив всю семью, люди тянулись к реке. Везли продукты, посуду, гнали баранов. Чинно ехали убежденные седины старики. Шумными компаниями с музыкантами, певцами и плясунами проносились молодые джигиты. Торговцы везли свои товары. Среди расступавшейся толпы важно проезжали в фаэтонах сановники, окруженные свитой. Особенно много было мулл и ишанов.

В голове канала вырастал огромный временный лагерь. Дымили костры, ревели ишаки, между арбами бегали ребятишки. Около котлов хлопотали женщины, переговариваясь возбужденными голосами. В тени деревьев старики пили чай.

Наконец, наступал момент, когда все население лагеря облепляло берега канала. Здесь у самого его выхода из реки еще оставалась не-

широкая перемычка, сдерживающая напор воды. Человек 20 с кетменями стояли наготове. Главный мираб, распределитель воды, давал знак, перемычку рушили, и вода из реки с шумом неслась в канал. Народ волновался.

Когда вода заполняла голову канала, происходило самое главное. Несколько человек торжественно подводили к берегу быка, которого специально для этой церемонии посылал сам хан или кто-либо из его приближенных. Стреленожному животному подрезали шею и тушу сбрасывали в воду канала. Народ молился. «Сувли болсин! Хосилдор болсин! Кобчилик болсин!»¹ — говорили люди.

И тут же с берега и с заранее приготовленных лодок в воду стремглав бросались десятки полураздетых джигитов из общин, пользовавшихся водой этого канала, и начиналась борьба за тушу быка. Победившая община вытаскивала ее на берег. Тушу разделявали, мясо варили в огромных котлах и раздавали всем желающим. Иногда в воду сталкивали мирабов, или они откупались от этой процедуры деньгами. Муллы и ишаны молились об урожайном годе. Торжество занимало два дня.

Смысл этого ритуала был предельно ясен. Это было общественное жертвоприношение водам Амударьи; оно должно было обеспечить обилие воды и богатый урожай текущего сезона. Так объяснил мне старый Юсуф, это позднее подтвердили и другие мои собеседники. Правда, появлялись варианты, иной раз еще более интересные. Были старики, которые утверждали, что при совершении обряда быка сбрасывали не в канал, а в саму Амударью и не вытаскивали на берег, а оставляли его на сведение рыбам. Так или иначе, это был дар Амударье земледельцев, ждущих от великой реки помощи в их труде. Это был тот обряд, которого мне так не хватало для воссоздания более полной картины культа реки. Обряд этот исключительно древний. Бык в качестве животного, приносимого в жертву Анахите, богине водной стихии, упоминается еще в Авесте.

Обряд жертвоприношения реке уже давно ушел из быта земледельцев Хорезма. Не только молодежь, но и люди среднего поколения не знают о нем. И только поистине золотая память стариков сохранила его в весьма выразительных подробностях.

Итак, еще один цикл моих поисков был завершен. Поздней осенью, возвращаясь домой, я увозил с собой полевые дневники, полные ценных записей. Год для меня выдался «урожайный», и обязан этим был я все той же великой реке, источнику плодородия. Теперь уже с чувством благодарности смотрел я на ее быстро несущиеся воды, в последний раз переправляясь на правый берег Аму. Но чем же отблагодарить тебя, река? Соли со мной не было. Я подошел к борту парома и опустил в воду серебряную монетку; река благосклонно приняла мой дар.

Когда машина преодолела клубы береговой пыли и неслась по асфальтированному шоссе к столице Каракалпакии, я оглянулся, и уже издали прекрасная Анахита прощально махнула мне своим золотистым покрывалом.

Литература

- Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, тл. IV; его же, Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960.
- И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956.
- Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.
- Э. Э. Бартельс, Отрывки из Авесты. Перевод с языка Авесты, «Восток», 1924, кн. 4.
- H. S. Nyberg, Die Religionen des alten Iran, Leipzig, 1938.

¹ «Да будет вода, да будет урожай, да будет достаток!».

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Г. П. Снесарев

ЗАГАДКА ДАКУ-ЮНУСА

(ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОИСКА)

Во время моих многолетних экспедиционных работ в Южном Приаралье имя Даку-Юнуса неоднократно всплывало в беседах с людьми старшего поколения, проявлявшими интерес к истории родного края.

Среди других персонажей преданий и легенд обладатель этого имени оставался для меня загадкой. Одно лишь было несомненным: под Даку-Юнусом мои собеседники подразумевали некоего местного правителя, жившего в Хорезме в давние времена, личность к тому же крайне непривлекательную.

Все попытки выяснить историческую достоверность либо мифичность персонажа этих легенд оставались безрезультатны. Даку-Юнус был для меня неуловим.

Вместе с тем его имя постоянно встречалось на моем пути, и в городах, и в самых глухих селениях Хорезма. На правом берегу Амударьи это был «местный падишах, правивший во времена нашествия калмыков (т. е. монголов), и у него была единственная дочь» (сообщил Курамбай-Максум, 63 г.). На левом берегу в селении Беш-Мерген оказывалось, что годы его господства еще более приближались к нам: «Падишахом Шаббаза был Даку-Юнус, и его владение было завоевано Тимуром» (Юнусджан-ишан, 50 л.). В Шаббазе (в 1960-х годах переименованном в Бируни) нам говорили, что здесь бытует поговорка: «Это было еще до Даку-Юнуса, т. е. ужасно давно» (Абдукаримов Амад, 63 г.), и, таким образом, личность эта отодвигалась в самые глубины истории и становилось своего рода эталоном, по которому соизмерялись во времени разного рода исторические события на территории Хорезма. В том же Шаббазе один из наших информаторов рассказал, что на старом городище однажды была найдена монета, на которой ученый мулла прочитал якобы имя Даку-Юнуса. Это относится к области курьезов, но доказывает, какой верой в историческую достоверность пользовался Даку-Юнус среди местного населения.

Все сказанное выше представляло собой лишь скудные упоминания имени заинтересовавшего нас персонажа, отдельные фрагменты некогда бытовавших легенд и преданий. Правда, одна из легенд сохранилась более полно.

Мы слышали ее там же, в Шаббазе, в связи с воспоминаниями местных стариков о Шейхе Аббаз-вали, издавна почитавшемся здесь в качестве святого — покровителя города и его окрестностей. Коренной шаббазец Пиржанов Биким, которому в 1957 г. было 55 лет, рассказал о том, что еще до Шейха Аббаз-вали в городе Кят¹ царствовал падишах-деспот

¹ Древнее название раннесредневековой столицы Хорезма, позднее Шаббаз (Бируни).

Даку-Юнус. Все кругом находилось в личном его владении — и земля, и вода. На Даку-Юнуса работали рабы (кул). «Уже в наше время,— говорил информатор,— при расчистке одной из сохранившихся стен города были обнаружены замурованные в глине в вертикальном положении скелеты — останки рабов Даку-Юнуса: они умирали на работах и их тут же замуровывали».

«Шейх Аббаз-вали,— продолжал Пиржанов,— был местный кятский житель. Он подговорил рабов, и они восстали против деспота. Даку-Юнуса схватили, раздели донага и катали по колючкам, дабы выпытать у него, где скрыты продовольственные склады. Он был жаден и много чакопил добра. Даку-Юнус не выдержал пытки и умер.

Управлять государством стал Шейх Аббаз. Он раздал землю рабам и строго следил за распределением воды. В этом ему помогал брат Кечирмас-баба, который беспристрастно расправлялся с нарушителями правил и сносил им головы. После смерти Шейха Аббазы стали почитать в качестве святого (аулия) и многие совершали паломничество (зиарат) к его могиле».

Личность святого Шейха Аббаз-вали также заслуживает внимания: к ней мы вернемся позже, но в иной связи. Пока же приходится констатировать, что и легенда о Шейхе Аббаз-вали ничего не дала нам в поисках прототипа загадочного Даку-Юнуса. Интересно, что Даку-Юнус «встретился» не только на нашем пути. Еще в начале текущего столетия А. Калмыков проездом в Хиву услышал о нем в Даргане, в городе на левом берегу Амударьи, который в средние века считался одним из крупнейших городов Хорезма, как о том писали посещавшие этот край арабские путешественники. По словам Калмыкова, «основание города (т. е. Даргана.— Г. С.) приписывают какому-то царю «Даку-Юнас». Про него существует легенда. Сбивчивый перевод тюркских переводчиков не дал мне возможности разобраться в ней. Дело шло о перемене веры и связанных с ней волнениях народа»².

Поначалу мы пытались найти реальный прототип легендарного хорезмского падишаха среди разного рода деятелей политической истории края, прибегали и к Рашид ад-дину: имя правителя по своему звучанию довольно близко именам лиц монгольского периода, упоминаемым историком. Но все было тщетно.

Разгадка, совершенно бесспорная, пришла неожиданно, хотя и шли мы к ней довольно кружным путем: ключ к ней был не в Средней Азии, но далеко от нее, в малоазиатской Турции, а «среднеазиатским» деспотом оказался не кто другой, как римский император Кай Мессий Квинт Троян Деций (время жизни 201—251 гг.) — личность, как видим, вполне исторически достоверная.

Что же привело нас к этому выводу? Просматривая богатейшее собрание турецких сказаний и легенд, опубликованных известным востоковедом В. А. Гордлевским, я обратил внимание на довольно скупую заметку о том, что на юге малоазиатской Турции, в двух часах езды к северу от города Тартус, имеется почитаемая паломниками пещера, с которой связано поверье о семи спящих юношах, благочестивых людях, в свое время скрывшихся от преследований нечестивого царя, объявившего себя богом, и потом заснувших на долгие годы, пока истинная вера не воцарилась в этих местах. Турецкое поверье донесло до нас имя царя — Дакьянос³.

² А. Калмыков. Хива. «Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии», год XII. Ташкент, 1908, с. 71. Калмыков пытался расшифровать слово «даку». Он высказал предположение, что разгадку надо искать в греческом языке (в чем он, как мы увидим далее, был близок к истине), и отождествил Даку-Юнуса с Диодохом; тут он пошел по ложному пути.

³ См. В. А. Гордлевский. Сказания и легенды. Избранные сочинения, т. 1. М., 1960, с. 437.

«Семь спящих отроков эфесских» — это персонажи легенды, широко известной на трех континентах, люди, предавшие себя истинному богу, канонизированные христианской церковью и почитаемые в мусульманском мире.

Легенда имеется в бесчисленных вариантах, о ней много написано ⁴.

Сама по себе христианская легенда, ее варианты, вопрос о ее возникновении в контексте нашей статьи не подлежат разбору, но, поскольку нам предстоит к ней вернуться, напомним схематично ее содержание.

Шесть юношей, проживавших в г. Эфесе, подверглись преследованию правившего в тех местах царя, стремившегося насильственными мерами отвести их от истинной веры (христианства). Юноши скрылись из города, по дороге встретили пастуха с собакой и вместе удалились в пещеру, где заснули чудесным образом на три столетия. Царь, преследовавший их, велел замуровать вход в пещеру. Проснувшись уже во времена победы христианской религии, они послали одного из юношей в город за едой; при покупке ее на давно устаревшие деньги возник конфликт, юношу задержали, привели к царю, и таким образом выяснились все обстоятельства совершившегося чуда. Посланцы царя (или сам царь) посетили в пещере проснувшихся отроков, те рассказали обо всем случившемся, но по воле бога снова заснули на этот раз уже смертным сном.

Малоазиатский вариант этой легенды, зародившейся в христианском мире и получивший широкое распространение в мусульманском, значительно продвинул нас на пути наших поисков.

Во-первых, у нас не возникло никаких сомнений в том, что среднеазиатский Даку-Юнус аналогичен малоазиатскому царю-деспоту Дакьяносу — слишком велико созвучие этих имен. Оставалось выяснить вопрос о прототипе этого легендарного персонажа. Нам не пришлось для этого отрываться от среднеазиатской (более того — хорезмской) почвы и углубляться в дебри христианской мифологии и многочисленные мусульманские версии сюжета. Все тот же Абурейхан ал-Бируни, к которому мы не раз обращались в затруднительных случаях и получали нужный ответ, помог нам и на этот раз.

В своих «Памятниках минувших поколений», в главе, посвященной знаменательным дням христиан-мелькитов по сирийскому календарю, он пишет:

«Пятого числа этого месяца (Тиштрин первый.— Г. С.) — поминовение отроков в пещере в городе Эфесе, о которой упоминается в Коране» ⁵. Бируни говорит, что Аль-Мутасим посылал специального человека, чтобы воочию убедиться в существовании пещеры, а в ней — мощей усопших отроков ⁶. Однако в этом контексте Бируни не упоминает имени неверного царя. Зато в другой главе — «О выведении одних эр из других...» — это имя названо в приводимых им таблицах дважды: это Деций («правил во времена отроков в пещере»; «современник отроков в пещере») ⁷, т. е. не кто иной, как римский император.

Итак, римский император — в низовьях Амударьи! Явление парадоксальное. Сентиментальная легенда о спящих отроках расшифровала нам имя Даку-Юнуса, она же должна ответить на вопрос, какими путями римский император «оказался» в Южном Приаралье и столь прочно укоренился в народной памяти. Наши ожидания оправдались. В процессе дальнейшего сбора материалов на местах оказалось, что христианская легенда о семи отроках не только имела хождение по всей территории Хорезма, но и пользовалась значительной популярностью. Она известна

⁴ См. об этом: А. Крымский и М. Аттая. Семь спящих отроков эфесских. — «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», вып. 41. М., 1914 (отдельный оттиск из т. IV «Древности восточные»).

⁵ Абурейхан Бируни. Избранные произведения, т. I. Ташкент, 1957, с. 320.

⁶ См. там же. Аль-Мутасим — аббасидский халиф (833—842 г. н. э.).

⁷ Там же, с. 107, 137.

во всех уголках края в нескольких вариантах. Как и в Турции и в других странах, здесь бытовали писанные талисманы, имевшие специальные названия «есабулкан», «есабулкан дуаси», «тамрихо»; в тексте которых упоминались имена семи отроков и даже имя собаки пастуха, сопровождавшей отроков в пещеру и заснувшей вместе с ними. Считалось, что эти талисманы — наиболее верное средство, предохраняющее от пули, от всяческих бед и несчастий. Написанные на бумаге, они вкладывались в четырехугольные металлические футляры; особенно охотно их носили женщины. «Многие жительницы Хивы их носили, моя мать тоже», — вспоминал Салимов Садреддин, в начале 1920-х гг.

В изложении этого же информатора история семи спящих отроков выглядит следующим образом: «Еще до времен Харун-ар-Рашида правил один царь. Однажды к нему явился проповедник другой веры и уговаривал его отказаться от праведной веры. Царь согласился и приказал то же сделать своему сыну. Но тот был против и, боясь, что отец казнит его, ушел из дома. С ним ушли шестеро его друзей. По дороге они встретили пастуха, рассказали ему о том, что произошло, и он пошел вместе с ними. Собака пастуха увязалась за ними, но юноши, боясь, что она выдаст их преследователям, стали гнать ее и даже сломали ей ногу. Собака завyla и произнесла человеческим голосом: «О, божьи люди! Я не хочу вам зла, а вы отнимаете мою надежду». Юноши раскаялись в содеянном, взяли собаку на руки и понесли с собой. Юношей звали Тамрихо, Максальмино, Кашпутат, Кашофат, Таб-Юнус, Озурпат-Юнус, а о собаке говорится: „исми кальбахум Катмир“, т. е. имя собаки — Катмир. Восемь беглецов и собака укрылись в пещере и заложили вход в нее камнями. Заснув в ней, они проспали тысячу лет, а пробудившись, узнали, что все вокруг изменилось, сменились цари. Их собственный вид сделался неузнаваем — у них выросли длинные волосы и ногти. Они снова заснули и будут спать до киямата, т. е. до страшного суда. Таким образом и собака пастуха попала в число тех, кто перечислен в талисмане».

В легенде, рассказанной этим информатором, вероятно, вследствие нашей недоработки упущено имя нечестивого царя. Но нами записан другой, краткий вариант этой же легенды, в котором оно присутствует.

В 1957 г. в селении Беш-Морген, вблизи Шавата, у нас состоялась интересная беседа с группой стариков, среди которых были и местные ишаны. «Было два падишаха по имени Даку-Юнус, — ответил на наш вопрос Юнусджан-ишан. Один из них правил в древности, другой — в те времена, когда столица была в Шаббазе (т. е. в Кяте на правом берегу Амударьи. — Г. С.)». Ему возражал другой ишан — Мят'якуб, 68 лет: «Я знаю только одного Даку-Юнуса. Это тот, который отрекался от своей веры. Падишах этот хотел жениться на одной из красивых своих дочерей. Тогда его собственные визири отказались от него и покинули столицу. Даку-Юнус послал за ними погоню. Воины падишаха натолкнулись на одну пещеру — там-то и укрывались сбежавшие визири, — но увидели, что перед самым входом в пещеру голубка свила гнездо и отложила яйца. Преследователи подумали: три дня как сбежали визири; если они в пещере, то не может быть, чтобы птица за это время свила здесь гнездо и отложила яйца. Они прекратили преследование и вернулись к падишаху».

Перед нами, совершенно очевидно, — местные, хорезмские, более или менее подробные варианты все той же христианской легенды о «семи отроках эфесских».

Нам остается выяснить, каким образом христианская легенда проникла в Хорезм. Предварительно необходимо коснуться самой легенды в ее первоначальном виде и в последующих вариантах.

Подробный анализ легенды с экскурсом в ее дохристианские прототипы, а также переводы многочисленных арабских вариантов принадле-

жат видному востоковеду А. Крымскому, посвятившему этому вопросу (совместно с М. Аттая) специальный труд⁸.

Легенда оформилась в своей христианской первооснове на территории азиатских провинций Римской империи; Сирия — «старейшее хранилище христианской легенды о спящих отроках»⁹.

А. Крымский отрицает историческую реальность событий, излагаемых в легенде (с чем нельзя, конечно, не согласиться) и говорит об отсутствии каких-либо оснований связывать ее с Децием.

Последнее утверждение, однако, вызывает некоторое сомнение. Во-первых, во всех многочисленных вариантах легенды, относящихся к разным векам, во всяком случае приводимых самим же Крымским, фигурирует только Деций-Дахьянос; ни разу не появляется какой-либо иной персонаж. Основной мотив легенды — гонения на христиан. Гонения были и до Деция (Нерон и др.) и после него (например, Диоклетиан), но нельзя забывать, что первые массовые гонения падают именно на его правление и именно Децием был издан знаменитый указ о проверке благонадежности христиан, согласно которому последних заставляли поклоняться языческим богам и приносить им жертвы; именно при нем были в связи с этим введены своего рода свидетельства о лояльности, *libelli*, удостоверявшие факт поклонения богам и обожествленному императору¹⁰.

Легенда, родившаяся в азиатских провинциях Римской империи, где-то на границе с Сирией¹¹, позднее была воспринята арабским миром. Этому, несомненно, способствовало то обстоятельство, что проживавшие в этих местах арабы племени гассан приняли христианство еще до появления здесь ислама. Но христиан тогда было достаточно и в Хире, и в самом Хиджасе. Ничего нет удивительного, что легенда о скрывавшихся в пещерах отроках с оформлением мусульманского священного писания наряду с другими христианизмами попала в Коран в виде суры 18 «Пещера»¹².

Итак, подходя вплотную к вопросу о путях и способах проникновения христианской легенды в Южное Приаралье, проще всего было бы предположить, что этим мы обязаны Корану, что в период исламизации Средней Азии священная книга мусульман принесла в эти края христианскую легенду о спящих отроках, как то было со многими библейскими и евангельскими персонажами.

Однако этот вывод нам кажется преждевременным, несмотря на всю его логичность. При внимательном прочтении суры 18 Корана нельзя не обратить внимание на то, что в ней нет ни имен легендарных персонажей, ни тех весьма выразительных деталей излагаемых событий, которые придают им видимость реальности; текст суры в Коране, посвященной отрокам, содержит главным образом расплывчатые поучения, отвечающие монотеистическим тенденциям Корана в целом. Коран как непосредственный источник проникновения нашей легенды в Хорезм, на наш взгляд, отпадает.

Большого доверия заслуживают комментарии на суру 64 авторов, которые приводятся в труде А. Крымского и М. Аттая — толкователей Корана, историков, географов. Сочинения Табары, Ибн аль-Асира, Якута, Замахшари и многих других были хорошо известны в средневековых государствах Средней и Передней Азии, они вполне могли донести содер-

⁸ См. А. Крымский, М. Аттая. Указ раб., примеч. 4. Во вступительной части работы А. Крымский упоминает усыпленного Зевсом, спящего в пещере Эндимиона, любимца богинь; греческого же Эпименида, проспавшего в пещере 57 лет; талмудического Хони и многих других (с. 18).

⁹ А. Крымский, М. Аттая. Указ раб., с. VII.

¹⁰ См. А. Б. Ранович. О раннем христианстве. М., 1959, с. 90, 92, 410, 411.

¹¹ Любопытно, что Тартус, вблизи которого находится пещера «семи отроков» (В. А. Гордлевский. Указ. раб., с. 4), расположен именно в этих местах.

¹² «Коран» (перевод И. Крачковского). М., 1963, с. 229—239.

жание легенды до Южного Приаралья. Подтверждением служит то обстоятельство, что целый ряд деталей, в них содержащихся, мы находим и в хорезмских вариантах.

Это, во-первых, имена «спящих отроков». На протяжении столетий первоначальные имена христианской версии подвергались изменению, и в том виде, в каком их сообщил нам хорезмский информатор (см. выше), они явно искажены. Однако по крайней мере в трех случаях они созвучны именам, имеющимся в арабских вариантах и в первоначальной христианской легенде (Максальмино, Максимилиан христианской легенды — Максимилина арабских версий; Тамрихо, Иамвлих — Тамлиха, Ямлиха; Кашпутат — Каштунас и некоторые другие). Примечательно, что во всех версиях легенды, включая хорезмские, неизменным остается имя собаки — Катмир, Катмыр.

Сходные моменты мы находим и в некоторых деталях. Так, например, в хорезмской легенде, записанной в с. Беш-Мерген, фигурируют визири царя-деспота Даку-Юнуса, бежавшие от его гнева. Их же находим мы в изложении легенды Та'ляби Нишапури (XI в. н. э.)¹³ и в варианте Замахшари (XI—XII в. н. э.)¹⁴. Даже такой незначительной детали, как эпизод с гнездом голубки у входа в пещеру, которую мы находим в хорезмской легенде (с. Беш-Мерген), есть аналогия в свидетельстве Рабгузи (паук, затянувший паутиной вход в пещеру)¹⁵.

Черты сходства с арабскими вариантами легенды можно было бы умножить. Однако и без того ясно, что арабские варианты легенды, сообщенные толкователями Корана, историками и географами, несомненно, способствовали ее распространению среди населения средневекового Хорезма.

Одновременно нам представляется реальным и иной, значительно более ранний по времени путь проникновения интересующей нас легенды в Хорезм, путь, непосредственно связанный с христианством и его появлением на территории Средней Азии.

Существование христианской колонии в Хорезме — факт непреложный. Об этом сообщает нам Абурейхан ал-Бируни в своих «Памятниках минувших поколений».

Сам родом хорезмиец, Бируни, видимо, очень хорошо знал местную христианскую колонию; во всяком случае это можно сказать о религии колонистов: большая и подробная глава «Речь о знаменательных днях, которые отмечают христиане-мелькиты в сирийских месяцах» убедительно об этом свидетельствуют. Тем более интересно, что материал для этой главы Бируни черпал тут же, на месте. «Я упомяну о знаменательных днях, которые отмечают в сирийских месяцах мелькиты в Хорезме» — так начинает он свое изложение¹⁶. Именно в этой главе среди прочих памятных дней хорезмских христиан Бируни и излагает данные о дне поминовения отроков в пещере в городе Эфесе, данные, которые нами уже приведены выше.

Поскольку мы выдвигаем на первый план гипотезу о том, что интересующую нас христианскую легенду принесли в Хорезм сами же христиане, перед нами встает вопрос о времени возникновения в Хорезме их колонии и о путях проникновения христиан в Южное Приаралье.

О хорезмских христианах известно и опубликовано очень мало. Специально им посвящена статья С. П. Толстова «Новогодний праздник „Каландас“ у хорезмийских христиан начала XI века»¹⁷. В. В. Бартольд,

¹³ См. А. Крымский, М. Аттал. Указ. раб., с. 36.

¹⁴ См. там же, с. 56.

¹⁵ См. там же, с. 68.

¹⁶ См. Абурейхан Бируни. Указ. раб., с. 318.

¹⁷ С. П. Толстов. Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан начала XI века. — «Сов. этнография», 1946, № 2.

в статьях о среднеазиатском христианстве¹⁸ упоминает и о хорезмской колонии.

Полностью аргументированный ответ на вопрос о времени возникновения христианской общины в Хорезме и о путях проникновения христиан в Южное Приаралье на современном уровне знаний дать невозможно; трудно решить и вопрос об условиях проникновения в Хорезм легенды о спящих отроках и жестоком правителе.

Тем не менее попытки ответить на эти вопросы были.

В. В. Бартольд, хотя и не дает прямого ответа, всем ходом изложения имеющихся данных о христианстве в Средней Азии, характером фактического материала подводит нас к выводу о проникновении христианства в Хорезм с юга, через Хорасан и Персию.

Касаясь судеб христианства на территории Средней Азии, различных его толков, в том числе мелькитов (представителей победившего в Византии и ставшего там государственной религией направления в христианстве), В. В. Бартольд пишет: «У мелькитов был митрап, т. е. митрополит для Хорасана, живший в Мерве; этому митрополиту, по всей вероятности, были подчинены мелькиты на родине Бируни, в Хорезме; от этих мелькитов Бируни получил приведенные им сведения о церковном календаре мелькитов, очевидно, до своего отъезда из Хорезма, т. е. вероятно, до 995 года. Упоминание у Бируни в Хорезме христиан-мелькитов заставляет полагать, что и хорезмские христиане монгольского периода, подчинявшиеся, по словам Гайтона, антиохийскому патриарху, были мелькитами»¹⁹.

Противоположной точки зрения придерживается в своей статье о хорезмских христианах С. П. Толстов, доказывающий, что их колония возникла в Южном Приаралье в результате миграций христиан с севера и в церковно-административном отношении подчинялась находившейся в Крыму Доросской митрополии византийской церкви.

В основе всей аргументации автора статьи лежит тезис о наличии в VIII в. н. э. политического объединения Хорезма с государством хазар (хорезмско-хазарская уния) и как следствие его — отрыва Южного Приаралья от Хорасана, где локализовалось наместничество арабов-завоевателей для всей Средней Азии. Все другие доказательства миграции хорезмских христиан с севера в большей или меньшей степени вытекают из этого тезиса.

Не вдаваясь в суть хорезмско-хазарских отношений данного периода, мы сошлемся на мнение М. А. Артамонова, который через 16 лет после выхода в свет статьи С. П. Толстова в своей фундаментальной монографии «История хазар» в специальном приложении к главе 15, весьма убедительно опровергает концепцию существования в VIII в. хорезмско-хазарской унии²⁰.

Далее. Если бы можно было твердо доказать, что Хвалисская епархия в составе Крымской (Доросской) митрополии христиан²¹ находилась именно в Хорезме, то теория северного происхождения хорезмской колонии получила бы веское подтверждение. Однако доказать это трудно. Само название этой епископии (хвалисская-хорезмская) еще мало о чем говорит: территории, прилегающие к Хвалисскому (Хорезмскому), т. е. к Каспийскому, морю весьма обширны, и Хвалисская епископия, упомянутая в «*Noticia episcopatum*» по примеру других значащихся в этом списке епископий, расположенных в зоне политического господства хазар, могла находиться в любом другом пункте на этих территориях.

¹⁸ См. В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 286; его же. Ислам и мелькиты. Соч., т. VI. М., 1966, с. 651—658.

¹⁹ В. В. Бартольд. Ислам и мелькиты, с. 654.

²⁰ См. М. А. Артамонов. История Хазар. М., 1962, с. 283—287.

²¹ Данные взяты из списка епископий («*Noticia episcopatum*», рукопись XIV в.), опубликованного де Боором. См. С. П. Толстов. Указ. раб., с. 90.

Учтем при этом, что, по свидетельству Бируни, в Мерве, т. е. в пять раз ближе, нежели к Крыму (Доросская митрополия), находилась митрополия мелькитов Хорасана, который вместе с Хорезмом столетиями входит в одну историко-культурную область.

История Хорезма VIII—IX вв. н. э. действительно скупо представлена в письменных источниках, однако из этого не следует, что в данный период Южное Приаралье находилось в изоляции, в отрыве от событий, происходивших на юге, в центре арабского халифата и в его хорасанском наместничестве.

Вряд ли необходимо напоминать о традиционных контактах Хорезма со странами Передней Азии, особенно Двуречья и Ирана, уходящих ко временам глубочайшей древности²², о весьма интенсивных южных связях Хорезма в период античности²³. Нас в данном случае интересует время вхождения Южного Приаралья в сферу господства арабского халифата и начального этапа исламизации его населения. Трудно представить себе, что эти тысячелетние контакты оборвались в VIII—IX вв. на довольно краткий период, тем более что это было время активной экспансии халифата на территории Средней Азии.

Завоевание Хорезма Кутейбой ибн Муслимом в 712 г. не было единовременной акцией: оно завершило неоднократные попытки омейядских халифов еще в VII в. подчинить себе Хорезм — область исключительно важную в стратегическом, экономическом и культурном отношениях. Еще в 80-х годах VII в. хорезмийцы заключили мир с халифским наместником Хорасана Сельмом ибн Зиадом, обязавшись уплатить 400 тысяч диргемов²⁴. Позднее Хорезм отпал, и в 90-х годах наместнику Умее ибн Абдаллаху вновь пришлось его завоевывать²⁵. После того как Кутейба окончательно присоединил Хорезм к халифату, политические связи этого края с югом продолжались и достигли, пожалуй, своего апогея, в середине VIII в., когда Абу-Муслимом была подготовлена и осуществлена смена халифатской династии. Хорезм тогда отнюдь не «продолжал жить своей особой жизнью, весьма мало участвуя в бурных событиях на юге (т. е. в Хорасане.— Г. С.)»²⁶, но, наоборот, активно был включен в эти события.

Автор знаменитого романа об Абу-Муслиме Абу-Тахир Тартуси (XI в.), на достоверность сведений которого ссылались и ссылаются видные востоковеды (В. В. Бартольд, В. А. Жуковский, Я. Г. Гулямов, О. Г. Большаков), пишет о том, что после разгрома одного из отрядов Абу-Муслима вблизи Хорезма родственник правителя Хорезма Музрап вытребовал у хорезмшаха войско, привел его на выручку к Абу-Муслиму, а затем сражался бок о бок со знаменитым полководцем за дело аббасидов²⁷. Не случайно имя Абу-Муслима было столь популярно в преданиях Хорезма, а в Даргане имела его мнимая, но весьма почитаемая гробница.

Ат-Табари в своем знаменитом труде «Тарих ар-расул ва-л-мулук» («История пророков и царей») писал, что Абу-Муслим, готовя в Хорасане восстание против омейядов и назначив уже день выступления, разослал своих эмиссаров с важными инструкциями, в том числе Абу-л-Джахма ибн Атию в Хорезм, для «откровенного выступления» 9 июня

²² См., например: Л. С. Толстова. Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков. — «Сов. этнография», 1971, № 2, с. 26—37; *ее же*. Древние мотивы в фольклоре узбеков Южного Хорезма. — «Сов. этнография», 1973, № 2, с. 23—31 и др.

²³ См. С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 115, 116; *его же*. Древний Хорезм. М., 1948, с. 341, 342, и др.

²⁴ Балазури. — «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (МИТТ), т. I. М.—Л., 1939.

²⁵ См. там же, с. 75.

²⁶ С. П. Толстов. Новогодний праздник..., с. 102.

²⁷ См. В. А. Жуковский. Древности Закаспийского Края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894, с. 160—162.

747 г.²⁸; уже после воцарения абассидов хорезмийцы принимали участие в восстании Шерика б. Шейха ал-Махри, поднятого против новой династии в Бухаре²⁹.

Но не только в области политики можно проследить контакты Хорезма с югом в VII—IX вв. То же относится к экономике и культуре. Одна из двух основных торговых магистралей, проходивших по Средней Азии, связывала северные страны (мы имеем в виду Поволжье, Прикамье, степные просторы будущего Дешти-Кипчака) со странами Передней Азии, захватывая Хорезм; «только часть... товаров оседала в Хорезме, остальное шло дальше на юг»³⁰; этот торговый путь, особенно активизированный начиная с X в., несомненно, существовал издавна. В. В. Бартольд, ссылаясь на Макдиси и Гардизи, пишет, что «хорезмийцы сделались главными представителями торгового класса в Хорасане»; «в городе Неса они захватили в свои руки всю земельную собственность»³¹.

Археология Хорезма, в том числе исследования памятников VII—VIII вв., также свидетельствуют о том, что Хорезм был тесно связан с южными соседями; убедительные аналогии (например в зодчестве) имеются в Южном Туркменистане и Иране, на территории бывшей Бактрии³².

Возвращаясь к легенде о семи спящих юношах и Даку-Юнусе, к вопросу о возможных путях ее проникновения в Хорезм мы постараемся подытожить наши предположения, следуя при этом по пути, намеченному В. В. Бартольдом.

Легенда о праведных людях, скрывшихся от преследования языческих властей, если отбросить ее фантастическую шелуху, в какой-то мере отражает вполне исторически реальную обстановку, сложившуюся в Римской империи накануне ее краха и превращения христианства в государственную религию. То было время укрепления позиций христианства и вызванных этим гонений на его последователей. «Герой» нашей легенды Деций начал их в массовом масштабе, продолжил их Валериан (253—260 гг. н. э.) и особенно активно проводил Диоклетиан (284—305 гг. н. э.).

Уже очень рано легенда, родившаяся, несомненно, в азиатских провинциях империи, проникла в арабский мир, а значительно позднее была использована при оформлении Корана и толкований.

Но еще до «ассимиляции» ее мусульманством легенда (или какие-то ее первоначальные наброски) могла быть занесена в Среднюю Азию самими христианами по хорошо изведенным путям из Передней Азии на Восток. Эти пути еще в III в. были проторены представителями дуалистических сект — маздакитами манихеями, выселявшимися в результате гонений из сасанидской Персии³³.

Этими путями шло и массовое (как подчеркивает В. В. Бартольд) переселение христиан на Восток в IV в., когда христианство стало государственной религией в Византии, а христиане, ее представители в Иране, — неудобным элементом для политического соперника Византии — сасанидской Персии³⁴. Именно тогда возникали христианские колонии в Хорасане, а возможно, и на территории Хорезма. В связи с этим напомним,

²⁸ См. *Ат-Табари*. МИТТ, т. I, с. 124.

²⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, с. 253.

³⁰ А. М. Беляницкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 292, 293.

³¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 293.

³² См. Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976, с. 105, 110, 162, 163, 177 и др.

³³ См. В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане..., с. 270. Нам представляется вероятным, что какие-то отголоски сюжета разбираемой легенды могли быть известны и манихеям, учение которых не избежало влияния христианства.

³⁴ См. там же, с. 271.

что хорезмские христиане принадлежали к мелькитскому толку, который занял господствующее положение в Византийской империи³⁵.

Раз в исторических источниках нет прямых указаний на то, когда и какими путями христиане проникли в Хорезм, необходимо внимательно приглядеться к тому, что уже известно о хорезмских христианах, следовательно, обратиться к тем памятным дням мелькитов этой колонии, о которых подробно пишет Бируни.

И прежде всего следует отметить весьма для нас существенное обстоятельство: хорезмские христиане времени Бируни пользовались сирийским календарем. Вряд ли это могло быть возможным, если бы они подчинялись тогда Доросской митрополии, так как византийская церковь уже со времен I Никейского собора приняла юлианский календарь. Заметим, кстати, что сирийским календарем пользовались и несториане, путь которых в Среднюю Азию через страны Передней Азии не вызывает никаких сомнений. В «святцах» хорезмских христиан обращает на себя внимание обилие имен и топонимов, которые как бы прокладывают «мост» от Хорезма, через Хорасан, Персию на Ближний Восток. Напомним о них в календарной последовательности: 18 Кануна (первого) — «поминовение Сисина, католикоса Хорасанского»; 5 Шубата — «поминовение Сиса-католикоса, первого, кто ввел христианство в Хорасане (несомненно, идентичен предыдущему)»; 21 Хозирана — «поминовение Барахии — священника, который принес в Мерв христианство приблизительно через двести лет после смерти Мессии»³⁶; 14 Таммуза — «поминовение Ионна-младшего из Мерва, которого убили в наше время»; 3 Элула — «поминовение семи мучеников, убитых в Нишапуре». «Святцы» содержат такие топонимы, как Мерв, Нишапур, Багдад (город Мира), Дамаск, Эфес, Элия (Иерусалим), Антиохия, Неджран, Александрия. Южное направление христианских связей мелькитов Хорезма у нас не вызывает сомнения. Показательно, что, изучая главу о днях поминовения хорезмских христиан, мы не встретили ни одного имени или топонима, относящегося к христианству, в свое время распространенному на государственной территории хазар, никакого упоминания о тамошних епископиях и их руководителях.

Конечно, принести легенду в Среднюю Азию могли и несториане, представители еретической секты, возникшей в 30—40 годы V в. н. э.; несториане в результате притеснений со стороны правящей церкви выселялись на Восток. В Средней Азии несториане в общей массе христиан-колонистов значительно преобладали. Однако такой путь проникновения легенды в Среднюю Азию, во всяком случае в Хорезм³⁷, у нас вызывает сомнение.

Против подобного предположения, как нам кажется, свидетельствует сам Бируни. Бируни весьма педантичен в описании праздников и памятных дней персов, согдийцев, хорезмийцев, румов, евреев, христиан-мелькитов, христиан-несториан, сабиев и арабов, которым у него посвящены отдельные главы, и, несомненно, эрудирован в этом вопросе. Закончив перечисление памятных дней хорезмских мелькитов, среди которых особое внимание обращено на день памяти «отроков в пещере», Бируни пишет: «Это те дни, в отношении которых несториане расходятся с мель-

³⁵ «От млек — царь, т. е. приверженцы официального, императорского учения» (В. В. Бартольд. *Культура мусульманства*. Соч., т. VI с. 148—149).

³⁶ Т. е. Христа. В. В. Бартольд не обратил внимания на этот факт в двух своих работах о среднеазиатском христианстве. Нам он кажется интересным в плане выяснения ранних судеб христианства в Средней Азии. Об этом лице Бируни упоминает дважды (см. *Абурейхан Бируни*. Указ. раб., с. 330, 354): день его памяти справляли и несториане; возможно, имя его существовало в христианских «святцах» до разделения этих течений.

³⁷ Какие-то отголоски легенды в Восточный Туркестан, возможно, принесли и несториане. Здесь вблизи г. Турфан было место отправления культа, связанное с легендой о семи отроках (см. А. Крымский. Указ. раб., с. IV).

китами, и мы еще скажем отдельно, какие есть у несториан особые праздники»³⁸. В главе, посвященной праздникам и памятным дням несториан, день «отроков в пещере» отсутствует. Нет его и в тех случаях, когда Бируни касается праздников, общих у мелькитов и несториан.

Вряд ли это результат незнания или упущения: Бируни весьма скрупулезно относится к собранному им фактическому материалу. Остается предположить, что канонизация семи отроков эфесских произошла уже после того, как несторианская ересь отпочковалась от общехристианского ствола, и, следовательно, и день поминовения отроков, и официальная версия легенды — специфически мелькитское явление.

В Хорезм легенда проникла очень давно, иначе она не вжилась бы так прочно в быт населения, а ее персонаж Даку-Юнус (Деций), совершенно оторвавшись от своего прототипа, не вплелся бы в канву «исторических» событий этого края.

Подтверждение этому мы находим в изысканиях археологов, проведенных на территории Хорезма, и на этот раз уже в вещественных памятниках. Речь идет об оссуарных погребениях на некрополе Миздахкан с характерными знаками — явными христианскими символами (крест с расширяющимися концами, звезда), причем погребения эти объединяются в особую группу; последнее обстоятельство, видимо, отражает наличие в Миздахкане отдельной христианской общины. Не случайно такая община обосновалась в Миздахкане, некогда одном из крупнейших городов Хорезма, находившемся на основных торговых магистралях края. И конечно, для нас весьма многозначительна датировка этих памятников, обоснованно данная археологами, — конец VII — первая половина VIII в. н. э., т. е. время существования христианской общины мелькитов Хорезма значительно отодвигается вглубь по сравнению с тем, что дают нам сведения Бируни (X—XI вв.)³⁹. Все это укрепляет нас во мнении, что с христианским мифотворчеством население Хорезма могло быть знакомо непосредственно от христиан еще до мусульманизации края, без посредства Корана и толкований его.

Наличие оссуарных захоронений христиан Хорезма представляет большой интерес; они свидетельствуют о давнем проживании христиан в низовьях Амударьи. Вероятно, члены маленькой общины христиан, вкрапленные в массив аборигенного населения зороастрийского вероисповедания, волей-неволей должны были воспринять местный погребальный обряд: трудно допустить, что при таком окружении маленькая христианская община могла придерживаться подземного способа захоронения, если учесть, что осквернение земли — священной стихии — трупом у зороастрийцев считалось одним из тягчайших грехов. В VIII в. н. э. оссуарный обряд захоронения в целом уже идет на убыль в Хорезме; следовательно, «вживаться» в этот обряд христианским переселенцам приходилось значительно раньше.

В заключение вернемся ненадолго к той легенде, с которой мы начали свое изложение, — к легенде о Шейхе Аббаз-вали и Даку-Юнусе. Правитель-деспот, единоличный владелец земли и воды; многочисленные рабы, работающие на него и умирающие на месте своего труда; массовое вос-

³⁸ *Абурейхан Бируни*. Указ. раб., с. 333.

³⁹ См. В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, с. 146—152. Авторы монографии, используя ряд среднеазиатских аналогий, убедительно доказали, что знак креста в данном случае явный символ христианства, а также что захоронения в оссуариях не противоречат вероисповедным канонам христиан Средней Азии того времени (в частности, ссылку на христианские же захоронения в оссуариях и сосудах в Мерве см.: Г. Оресвянская. Христианский некрополь древнего Мерва. — «Материалы научной конференции аспирантов Ташгу», Ташкент, 1966). По поводу христианской символики напомним, что весьма сходные изображения креста имеются на кайраках, надмогильных гальках присамаркандских христиан, коллекция которых хранится в Самаркандском музее (здесь речь идет уже об ином способе захоронения).

стание рабов, инспирированное местным жителем, и расправа с деспотом; переход власти в руки руководителя восстания, раздача им земель подневольному люду — все это несколько необычно для местного фольклора.

Легенда как бы переносит нас в другой мир — мир классического рабовладения. Невольно вспоминается Древний Рим, когда «в середине III в. империя переживает жестокий кризис. В разных местах империи поднимаются народные восстания, восстания рабов и колонов»⁴⁰, а обожествленный император (Деций), по свидетельству Киприана, с горечью восклицает, что «предпочитает иметь конкурента на трон, чем епископа в Риме»⁴¹. Нельзя ли предположить, что не только сентиментальную легенду о спящих отроках, но и какие-то отголоски реальных событий далекого прошлого принесли с собой в Хорезм переселенцы-христиане?

Как ни фрагментарны бывают легенды, фиксируемые в процессе полевых этнографических исследований, как ни недостаточен содержащийся в них познавательный материал, они, с нашей точки зрения, методически весьма полезны, а последовательный анализ их может привести к интересным выводам. В сочетании же с историческими, этнографическими и лингвистическими данными они дают немало ценного для познания явлений прошлого. Но вместе с тем в подходе к фольклорному материалу, в его оценке необходима крайняя осторожность. На конкретном примере мы убедились, с какой легкостью исторически вполне достоверные персонажи растворяются в легендарной сфере, а по прошествии времени в результате долгого существования легенды эти персонажи вновь наделяются «плотью и кровью» и приобретают на этот раз уже ложноисторический характер.

⁴⁰ А. Б. Ранович. Указ. раб., с. 430.

⁴¹ Там же, с. 90.